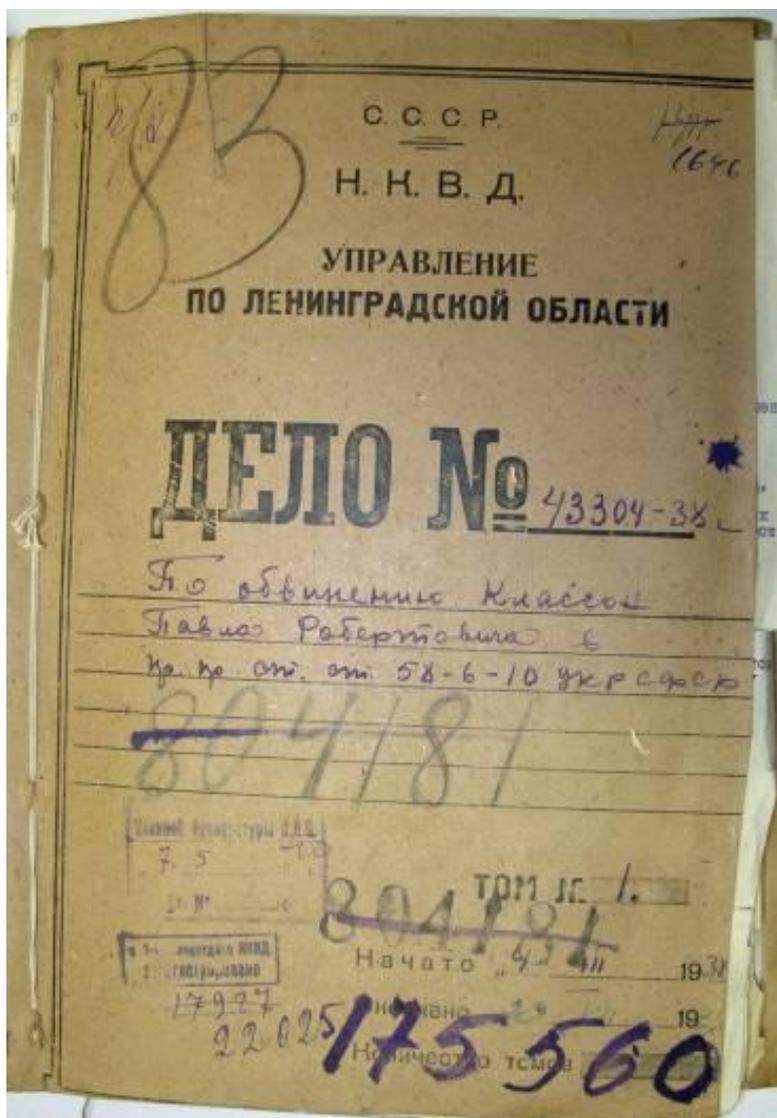

Последняя версия – ноябрь 2016 г.

Павел Классон – «советско-германский шпион»?!

В этом очерке читатель получит редкую возможность заглянуть в «чекистскую мастерскую»: по каким лекалам «кроились и шились» дела о шпионаже. Основными в них были, конечно же, выбитые из арестованных показания (потому что документированные доказательства, как правило, отсутствовали) согласно приписываемому А.Я. Вышинскому крылатому выражению «признание обвиняемого – царица доказательств».

Главным же персонажем очерка станет один из «Классонят», который, как мы уже видели, успел поучиться и поработать в Германии и, вернувшись в СССР, мог сравнить капиталистическую жизнь с «реальным социализмом». Как мы увидим, ему многое не нравилось в последнем, и он стал «допускать антисоветские высказывания». За это большевики и преследовали «диссидента» Павла Робертовича Классона, навесив на него заодно и шпионаж.

Исходная обложка уголовного дела

Примерно так же, как предыдущее тоталитарное государство («при царе-батюшке») преследовало другого «диссидента» – его отца в молодости. Последний, как мы помним, привлек внимание властей чтением запрещенной литературы и встречами с политическими эмигрантами. И привлекался он к допросам по обвинению в антиправительственной деятельности, то есть в государственном преступлении!

Но в итоге даже не был арестован!! А его сын загремел за «антисоветскую агитацию и шпионаж», то есть тоже за государственное преступление и лишь чудом отделался всего тремя годами заключения (потому что чекистский конвейер, при смене руководства НКВД, дал сбой в оформлении «шпионской» деятельности нашего героя).

Итак, 22 февраля 1938 года Оперативный Уполномоченный 9-го Отделения III (контрразведывательного!) Отдела Управления НКВД Ленинградской области (в сферу пристального внимания которого входил естественно и сам областной центр), Сержант Государственной Безопасности Тумаков, «рассмотрев следственный материал по делу №___ и приняв во внимание, что гр. Классон Павел Робертович, 1904 г.р., ур. г. Латвия, немец, гр-н СССР, б/п, без определенных занятий, проживает: Смольный проспект д.6 кв. 58, достаточно изобличается в том, что он проводит националистическую к.р. агитацию и занимается сбором шпионских сведений в пользу одного из иностранных государств, постановил: гр. Классон П.Р. привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-б-10 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать обыск, арест с содержанием под стражей в Лентюрьме». Арест санкционировал (проштемповал) и.д. Военного Прокурора Ленинградского Военного Округа дивизионный военный юрист (сие звание затем будет именоваться как генерал-майор юстиции!) Владимир Григорьевич Шмулевич.

УТВЕРЖДАЮ
Февраль 1938 г.
НАЧАЛЬНИКА УНКВД Л/О
Майор Госбезопасности:
(ШАПИРО). **Постановление**

Шмулевич

об избрании меры пресечения и пред'явления обвинения

Город Ленинград 1938 г. 22 февраля 22 дня

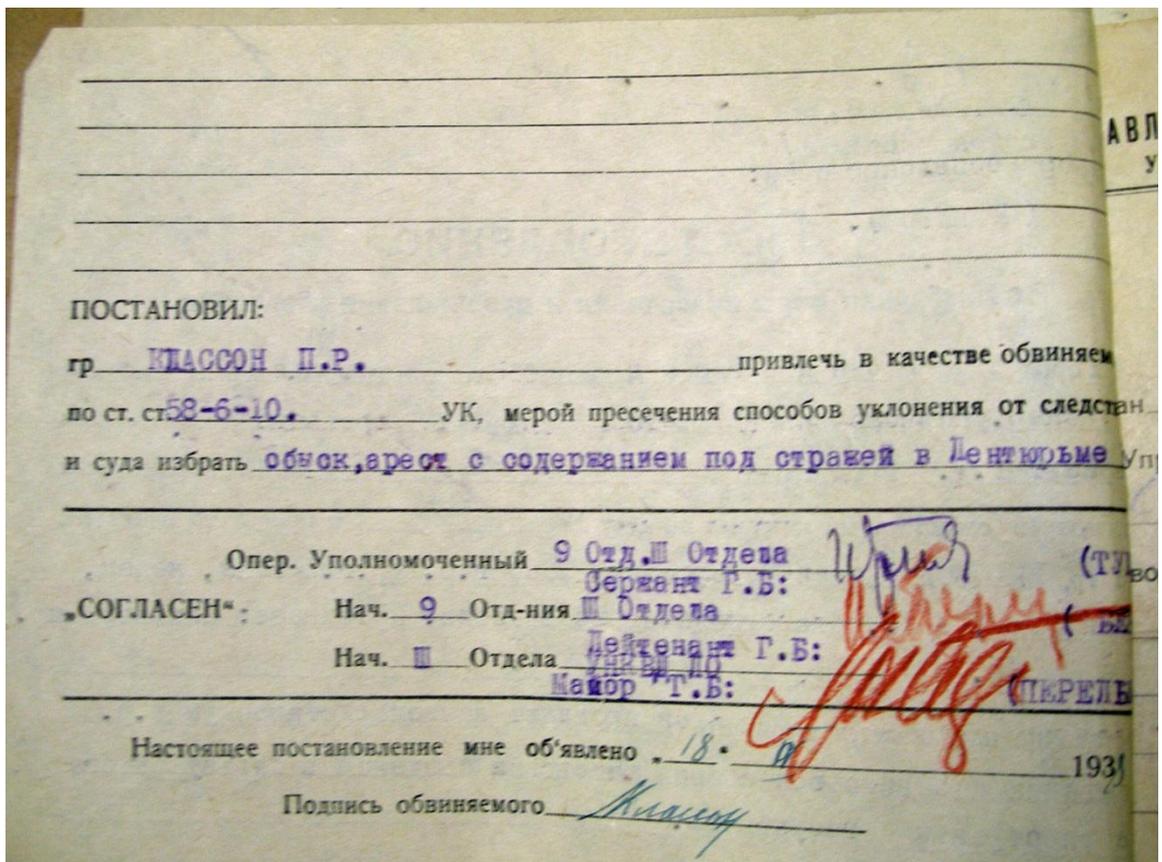
Я Опер.уполномоченный 9-го (должность) Отделения Третьего отдела

Сержант Г.Б. ТУМАКОВ УНКВД Ленобласти
(звание и фамилия)

рассмотрев следственный материал по делу № _____ и приняв во внимание,
что гр. КЛАССОН Павел Робертович, 1904 г.р. ур.г. Латвия, немец,
гр-н СССР, б/п., без определенных занятий. Проживает: Смольный пр.
д.6 кв.58.

достаточно изобличается в том, что он проводит националистическую к.р.
агитацию и занимается сбором шпионских сведений в пользу одного
из иностранных государств.

Архив Воен. Прокурора ЛВО
22

«Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения»

Это дело, пока без номера, впоследствии получит промежуточный № 43304-38 г., затем – сквозной №804181 и, наконец, №175560 (архивный?). А Лентюрьмой в процитированном документе обозначалась т.н. внутренняя тюрьма НКВД на Шпалерной, 25.

Стремление чекистов называть все свои должности и звания с заглавных букв забавно. Однако эта «славная традиция» перешла к советским «охранным органам», по-видимому, от аналогичных царских структур. Сравним:

«Протокол допроса Р.Э. Классона 17 ноября 1893 г. Полковником Шмаковым из Отдельного Корпуса Жандармов в присутствии Товарища Прокурора С.-Петербургского Окружного Суда В.Я. Гвоздановича, в качестве обвиняемого в государственном преступлении на основании ст. 1035 и последующих статей Устава Уголовного Судопроизводства Императора Александра II».

Хотя тогда допросы и следствие вели, в крайнем случае, Ротмистры, а не Сержанты. Сравним:

«Протокол допроса С.М. Серебровского 25 ноября 1893 г. в Курске Ротмистром Петровым из Отдельного Корпуса Жандармов в присутствии Товарища Прокурора Курского Окружного Суда г. Носуленко, в качестве обвиняемого в государственном преступлении <...>». (ф. 102 ГАРФ)

Пройдем мимо ужасающей неграмотности следователя Тумакова, считавшего, что Латвия это город. Не обратим даже внимания на явную фальшивку – «без определенных занятий» Хотя в архивном уголовном деле до сих пор хранится изъятое при аресте удостоверение №46, согласно которому «Классон П.Р. действительно состоит на службе в Научно-Исследовательском Институте №4 НКОП СССР в должности и/о Ст. Научного Сотрудника», действовавшее до 1 июля 1938 года.

НКОП СССР

НИИ № 4

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 46

Предъявитель сего
тов. **Классон Лавел Робертович**
действительно состоит на службе в Научно-Исследовательском Институте № 4 НКОП СССР в должности **и/о ст. Научного Сотрудника**

Нач. Адм. Хоз. Отд. НИИ № 4
Действительно до **31** " **июня** 1937 г.

Ленгорлит 7. vi-37 г. Полигр. лаб. ЛГУ. з. 377

СРОК ПРОДЛЕН
с " **31** " **июня** 1937 г.

по " **31** " **июня** 1937 г.
Нач. АХО

СРОК ПРОДЛЕН
с " **31** " **июня** 1937 г.

по " **31** " **июня** 1937 г.
Нач. АХО

СРОК ПРОДЛЕН
с " " " 193 г.

по " " " 193 г.
Нач. АХО

Служебное удостоверение П.Р. Классона

Отметим здесь главное: трагическое решение П.Р. Классона – по возвращении из Германии в августе 1932-го и при получении советского паспорта записаться немцем (как будто бы по отцу, который советского паспорта, с указанием национальности, получить не успел), а не русским (по матери, умершей еще до октябрьского переворота 1917-го). Т.е. наш герой вполне мог, как его брат и сестры, записаться русским, но не пожелал!!

Как теперь известно, 25 июля 1937 года вышел Оперативный приказ НКВД СССР №00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР» (в первую очередь имелись в виду работавшие на оборонных заводах и на транспорте иностранные специалисты, которых само же советское государство пригласило ранее, за дефицитом собственных). Аресты начались 29 июля. С осени «немецкая операция» постепенно стала распространяться на некоторые категории советских немцев и других граждан, обвиняемых в связях с Германией и шпионаже в ее пользу – в соответствии все с тем же приказом (*«Вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов, как из числа советских граждан, так и подданных других государств, немедленно арестовывать, независимо от места их работы»*).

Оперативный приказ НКВД базировался на записке И.С. Джугашвили-Сталина, приложенной к протоколу заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1937 года: *«Всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать»* и на постановлении этого органа с требованием к НКВД немедленно издать приказ *«об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах и высылке части арестованных за границу»*. По «немецкой операции» в 1937–1938 годах было осуждено свыше 55 тысяч человек, из которых 42 тысячи приговорили к расстрелу (так что, как будет видно дальше, П.Р. Классону «сильно повезло»). Любопытного читателя отсылаем за жуткими подробностями, например, к такому фундаментальному исследованию: Н. Охотин, А. Рогинский. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг.

Насколько было распространено применение пунктов 6 и 10 знаменитой 58-й статьи, в которых обвинялся П.Р. Классон? Здесь можно обратиться к известному произведению «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына:

58-я статья состояла из четырнадцати пунктов. <...> Шестой пункт – шпионаж, был прочтен настолько широко, что если бы подсчитать всех осужденных по нему, то можно было бы заключить, что ни земледелием, ни промышленностью, ни чем-либо другим не поддерживал жизнь наш народ в сталинское время, а только иностранным шпионажем и жил на деньги разведок. Шпионаж – это было нечто удобное по своей простоте, понятное и неразвитому преступнику, и ученому юристу, и газетчику, и общественному мнению. <...> Но никакой пункт 58-й статьи не толковался так расширительно и с таким горением революционной совести, как Десятый. Звучание его было: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти <...> а равно и распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». И оговаривал этот пункт в мирное время только нижний предел наказания (не ниже! не слишком мягко!), верхний же не ограничивался! Таково было бесстрашие великой Державы перед словом подданного.

Знаменитые расширения этого знаменитого пункта были:

под «агитацией, содержащей призыв», могла пониматься дружеская (или даже супружеская) беседа с глазу на глаз, или частное письмо; а призывом мог быть личный совет. (Мы заключаем «могла, мог быть» из того, что так оно и бывало.)

*«подрывом и ослаблением» власти была всякая мысль, не совпадающая или не под-
нимающаяся по накалу до мыслей сегодняшней газеты. Ведь ослабляет все то, что не
усиливает! Ведь подрывает все то, что не полностью совпадает!..*

*под «изготовлением литературы» понималось всякое написание в единственном эк-
земпляре письма, записи, интимного дневника.*

Итак, 4 марта 1938 года чекисты при обыске изъяли у Павла Робертовича: паспорт ЛТ №558569, военный билет, профсоюзный билет №055601, упомянутое уже удостоверение №46 НИИ №4 Наркомата оборонной промышленности СССР, 227 писем, 101 открытку пи- санную, 32 листочка с адресами, 3 папки с чертежами на синьке, 7 папок по исследованию процессов заводских работ. И стали «шить шпионское дело». Однако согласно акту от 14 августа того же года вся переписка, отобранная при обыске, была, как «не имеющая от- ношения к следственному делу, уничтожена путем сожжения». О процессуальных дейст- виях над десятью служебными папками в деле ничего не сообщалось.

Выходит, у чекистов ни изначально не было документальных свидетельств, подтвер- ждающих «сбор шпионских сведений в пользу одного из иностранных государств», ни та- ковые не появились и позже. Следователей, похоже, вполне устраивали собственные, первоначальные признания П.Р. Классона в шпионаже в пользу то ли германской поли- ции, то ли разведки. Нет в следственном деле и следов того, что на него кто-нибудь до- нес. По крайней мере, в томе 1, с которым и ознакомился автор этих строк. Может быть, существует том 2 с показаниями сексотов, о котором Центральный архив ФСБ умолчал, а Управление ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. «утаило» при пересылке дела в Москву?

Первый допрос прошел 10 марта и носил в основном формальный характер: где в Гер- мании проживал, с кем контактировал и т.д. Однако уже на следующий день появился следующий напечатанный на машинке документ (мы исправили в нем лишь грубые опе- чатки, допущенные по неграмотности машинистки-чекиста – «радиольная турбина» и т.п.):

Следователю, ведущему мое дело

От обвиняемого Классона Павла Робертовича

На Ваше предложение чистосердечно раскаться, сообщаю Вам следующее.

*В 1932 г. я, находясь в Германии, был арестован германской полицией, причем мне было предъявлено обвинение в том, что я занимаюсь шпионажем в пользу СССР, так как я работал в то время у германской фирмы «Сименс-Шуккерт» для повышения ква- лификации (в бюро проектирования оборудования для электростанций), то у меня дей- ствительно имелись на дому кое-какие материалы этой фирмы, в частности фото- графия новой радиальной турбины. Этот материал и послужил для изобличения меня германской полицией. Мне было сказано, что я буду отпущен без каких-либо обвинений в случае если я дам расписку, обязывающую меня выполнить ряд поручений германской разведки в СССР[*на что я дал согласие и был выпущен**].*

Приехав в СССР, я работал первые полгода в Котло-Турбинном Научно Исследова- тельском Ин-те, территориально на заводе им. Сталина. Моим Начальником был Вла- димир Федорович Рорбах, уехавший в конце 1932 г. в Швейцарию. Настроение его было враждебное к советской власти. Сам он был швейцарским подданным. Перед отъездом в Швейцарию он мне передал под предлогом повышения моей квалификации разные материалы (синьки, бумаги, отпечатанные на машинке), содержащие опыт Ленин- градского Металлического завода, и материалы, полученные по линии инотехпомощи от английской фирмы «Метро-Виккерс».

* Здесь и далее: заключенные в квадратные скобки слова были зачеркнуты подследственным при чтении своих показаний.

Часть этих материалов была взята у меня при обыске; через полгода я поступил на работу на судостроительный завод «Северная Верфь», здесь я работал в Бюро по разработке Технологических процессов, вошел в связь с иностранным специалистом, германским подданным Герман Густавовичем Кобель, который был крупным германским шпионом. Мы работали с ним совместно по разработке технологических процессов – это было обосновано моим знанием немецкого языка. Разрабатывались технологические процессы вспомогательных механизмов и главных турбин для С-450, а также специальный редуктор (зубчатая передача), облегченной конструкции.

На расспросы Кобеля относительно этой конструкции он получил разъяснение от зав. Бюро тов. Козловского, что редуктор предназначается для самолета. Переводчиком в этих разговорах служил я. Далее Кобель интересовался водоизмещением корабля, чертежами механизмов, которые у него имелись для работы. По этим чертежам он мог установить некоторые данные, так, например, на чертеже якорной лебедки был указан вес якоря, отсюда можно было заключить о водоизмещении судна (прямая пропорциональность). На другом чертеже, рулевой машины, была указана ширина корабля, что так же давало основание судить о водоизмещении корабля.

Я, неоднократно бывая у Кобеля на квартире (Мучной пер.), познакомился при этом с его женой, тещей и братом жены, который работал на Кировском заводе, в то время «Красный Путиловец». Очевидно, что Кобель легко получал от брата своей жены всевозможные сведения о работах, которые производились на Кировском заводе. Вспоминаю, что в этом отношении Кобель был очень хорошо осведомлен, так, например, идя к трамваю, мы слышали выстрелы в районе Кировского завода, на что Кобель пояснил мне, что это орудийные выстрелы из орудий, которые изготовлялись на Кировском заводе, причем он даже указал калибр орудий (теперь калибр не помню).

Я откровенно рассказывал Кобелю то, что знал про завод им. Сталина, и сообщил ему другие технические данные, которые были мне известны. На заводе «Северная Верфь» я проработал до 1/IV-1934 г., после чего перешел на работу на завод им. Сталина, где я работал в лаборатории паровых турбин. Здесь мне удалось дополнительно к тем материалам, которые я получил в 1932 г. от В.Ф. Рорбаха, получить и собрать различные материалы, относящиеся к конструкции паровых турбин завода им. Сталина, и материалы, полученные на заводе по линии инотехпомощи от фирмы «Метро-Виккерс». [Эти материалы были мной также переданы Кобелю.]

Весной 1935 г. я был командирован в ЦАГИ в Москву, куда я прошел несмотря на то, что не был засекречен, а имел лишь командировку с завода им. Сталина. Я был в вентиляционной лаборатории ЦАГИ. Результаты командировки были изложены в моем отчете. Один экземпляр такового отчета был взят у меня при обыске. В том же 1935 г. в тех. библиотеке завода я взял книгу Г. Зотикова о газовой турбине, на ней был штамп «не подлежит оглашению», и сделал из нее некоторые выписки.*

В том же 1935 г. производились у нас в лаборатории испытания моделей одной детали для газовой турбины. Поскольку я не был засекречен, мне не было сказано, для чего эта деталь, однако зав. лабораторией Тубянский, который хотя и не был засекречен, но был в курсе дела, сообщил мне, что это деталь газовой турбины. Результаты испытаний этой модели в виде синек и фотографий были так же взяты мною с завода им. Сталина.

* Сотрудник 1-го ЦНИИ Наркомата оборонной промышленности д.т.н., проф. Григорий Иванович Зотиков (1898-1970) в 1933 г. выпустил монографию «Проблема турбины внутреннего сгорания. Турбина равного давления».

В 1936 г. я ушел с завода им. Сталина и с 5/1-37 г. начал работать в НИИ Судостроения. Первоначально я работал в Судомеханическом отделе у профессора Васильева, а с 15/IV-37 г., когда выяснилось, что я не буду засекречен, меня перевели в отдел Проектирования Лаборатории Большого Научно-Исследовательского Института Судостроения. Здесь я работал под руководством инженера Архангельского, весь проект считался «не подлежащим оглашению», и я собирал сведения по этому проекту.

В феврале мес. 4-5 числа 1938 г. меня посетил мой приятель Юрий Викторович Кирпичников. Он мне рассказал, что его жена по фамилии Эйхеман арестована по обвинению в шпионаже в 1937 г. в Москве, а также что его отец Виктор Дмитриевич Кирпичников арестован в Москве и осужден к 10 годам*. После 5/II-38 г. я с Ю.В. Кирпичниковым не встречался. <...>.

<...> Подробные показания буду давать на следующих допросах.

Как мы уже указывали, завод им. Сталина позже (после разоблачения «культы личности»?) стали называть Ленинградским металлическим заводом. Проясним здесь и относительно «проекта С-450», над которым работал судостроительный завод «Северная Верфь».

В Интернете по нему можно найти такую информацию:

Для строительства [лидеров] выбрали наиболее подготовленные в то время судостроительные заводы: имени Жданова (№190) на Балтике и имени Марти (№198) на Черном море. Привлекались также заводы по кооперации с судостроительными: Ленинградский Ижорский (сталь, прокат), «Большевик» (орудия), Ленинградский металлический имени И.В.Сталина (артустановки), Балтийский и Харьковский (турбины). Закладка лидеров «Москва» и «Харьков» состоялась 29 октября 1932 г. в Николаеве, «Ленинграда» – 5 ноября того же года на Северной судостроительной верфи. <...> «Ленинград» (заводской строительный номер С-450) был спущен на воду 17 ноября 1933 г., но, как оказалось, преждевременно. <...> В результате корабль достраивался на плаву до 1938 г.

Получив «чистосердечное раскаяние» от обвиняемого П.Р. Классона, следователи стали уточнять детали («имена, пароли, явки»). Из протокола допроса от 12 марта 1938 года:

– Какие поручения в СССР Вы получали при отъезде в Берлин?

– Никаких поручений в СССР при отъезде меня в Берлин я ни от кого не получал, кроме купленных мною лично в Москве папирос для отвоза их знакомому моему отцу Креверу Борис Абрамовичу, работавшему сотрудником Торгпредства в Берлине.

– По чьей рекомендации Вы связались с Торгпредством СССР в Берлине?

– По рекомендации моего отца Р.Э. Классона.

– С кем из сотрудников Торгпредства в Берлине Вы были наиболее близко знакомы?

– Кроме указанных на предыдущем допросе сотрудников Торгпредства, с Кревер Борис Абрамовичем и Фейникеви Иосиф Иосифовичем, больше ни с кем знаком не был.

– Встречались ли Вы с кем-либо из сотрудников Торгпредства в Берлине?

– Да, встречался с Кревер Б.А. и Фейникеви И.И.

– Кто из Ваших знакомых по Германии выехал в СССР до Вашего отъезда из Германии?

– До моего отъезда из Германии в СССР выехали следующие мои знакомые: 1) Старков Глеб Васильевич, 2) Старкова Татьяна Васильевна, 3) ее муж Лунц А., 4) Кирпичников Ю.В.

* На самом деле, В.Д. Кирпичников был расстрелян в сентябре 1937 г.

– Проживая в Берлине, Вы подвергались репрессиям со стороны германских властей?
– Да, подвергался. В 1932 г., в марте или апреле, я был арестован германской полицией в Берлине и содержался под стражей германскими властями.

– Сколько времени Вы содержались под стражей германскими властями?

– Под стражей германских властей я находился приблизительно около одной недели.

– За что Вы были арестованы германской полицией?

– По обвинению в шпионаже в пользу СССР.

– Результат следствия германской полицией?

– Просидев в германской тюрьме около недели, я был из-под стражи освобожден.

– При каких обстоятельствах Вы были освобождены?

– Как я показал выше, при аресте мне было предъявлено обвинение в том, что я занимаюсь шпионажем в пользу СССР. Изобличающим документом в шпионаже послужили изъятые у меня при обыске материалы, относящиеся к германской фирме Сименс-Шуккерт, в частности фотографии новой радиальной турбины. После следственных выяснений мне было сказано, что я буду отпущен на свободу без каких-либо обвинений в случае, если я дам германской полиции расписку, обязывающую меня по приезду в СССР выполнять ряд поручений для германской полиции, на что я дал согласие. Заполнив специальную анкету и взяв на себя обязательство выполнять поручения германской полиции, я через два дня был из тюрьмы выпущен на свободу.

– Значит Вы, заполнив специальную анкету и взяв на себя обязательства выполнять поручения германской полиции против СССР, стали германским шпионом?

– Да, это так, я стал германским разведчиком против СССР в пользу Германии.

– Кем вы были завербованы в германскую разведку?

– В германскую разведку я был завербован сотрудником германской полиции, фамилия которого мне неизвестна, по приметам он был одет в штатское, немец, небольшого роста, блондин, средней полноты, других особых примет нет.

– Имели ли Вы встречи с представителями германской разведки после Вашего освобождения?

– Нет, не имел.

– Кто из ваших знакомых в Берлине был связан с германской полицией?

– Это мне неизвестно

– Вы скрываете от следствия ваших соучастников по шпионской работе в СССР, переброшенных из Германии, с которыми Вы должны были установить связи. Вам было известно, что одновременно с Вами германской разведкой направляются в СССР для шпионской работы еще ряд шпионов. Дайте показания по существу.

– О том, что одновременно со мной германской разведкой направляются в СССР для шпионской работы ряд лиц, связанных с германской разведкой, мне неизвестно. Соучастников по шпионской работе у меня нет.

Здесь стоит отметить два момента. Первый, расплывчатое описание сотрудника германской полиции – «по приметам он был одет в штатское, немец, небольшого роста, блондин, средней полноты, других особых примет нет» уже вполне ясно показывает на то, что это вымышленный персонаж: таких в Германии проживала не одна тысяча мужчин. И второй. Похоже, что чекисты, не получив никаких показаний по разветвленной шпионской сети, куда должен был входить наш герой, на целых три месяца потеряли к нему интерес, возможно переключившись на более перспективных «шпионов».

Из протокола допроса от 25 июня 1938 года:

– После Вашего освобождения из тюрьмы Вы вызывались в полицию?

– Да, вызывался. Примерно за несколько дней до моего отъезда в СССР, т.е. примерно в конце августа 1932 г., я был вызван в полицию, где меня подробно инструктировали, каким образом и с кем я должен буду связаться по приезду в СССР для ведения разведывательных деятельности.

– С кем Вы связались по приезду в СССР?

– Из Германии я прямо поехал в Москву, где пробыв около двух недель, переехал в Ленинград. В Ленинграде, как мне было указано в германской полиции, я связался с начальником паротурбинной лаборатории НИКТИ Владимиром Федоровичем Рорбах и при его помощи устроился работать в НИКТИ в качестве инженера-исследователя.

– Какие задания Вы получили от Рорбах В.Ф.?

– Рорбах дал мне задание заняться сбором сведений секретного характера, указав на необходимость обратить особое внимание на заводы оборонного значения.

– Выполнили Вы задание Рорбах В.Ф.?

– Это задание я полностью выполнить не имел возможности, т.к. вскоре Рорбах вынужден был уехать из СССР.

– По каким причинам?

– Это мне неизвестно.

– С кем вы связались после отъезда Рорбах?

– После отъезда Рорбах, по указанию последнего, связался с германским подданным, инженером завода «Северная Верфь» Герман Густавовичем Кобель и вскоре перешел работать также на завод «Северная Верфь».

– До какого времени Вы были связаны с Кобель Г.Г.?

– С Кобель Г.Г. я был связан до 1935 г., т.к. в этот период Кобель уехал из Германии и передал меня на связь сотруднику германского консульства в Ленинграде – Холль, с которым я продолжал дальнейшую связь по разведывательной деятельности на территории СССР.

– Какие сведения шпионского характера Вам удалось собрать и передать германской разведке за весь период Вашей разведывательной деятельности?

– За весь период моей разведывательной деятельности на территории СССР начиная с 1932 г., т.е. с момента моего приезда из Германии, я собрал и передал германской разведке следующие сведения шпионского характера: 1. О производстве заводом им. Сталина трех орудийных башенных установок для крейсеров и двух орудийных башен для береговой обороны. 2. О производстве заводом им. Сталина гидро- и паровых турбин различной мощности, а также паровых котлов для стационарных установок. 3. О производственной деятельности завода «Северная Верфь» и его мобилизационных планах. 4. О строительстве на заводе «Северная Верфь» эскадренных миноносцев.

– Каким образом Вы собрали вышеуказанные сведения?

– Все вышеуказанные сведения мне было довольно легко собирать, т.к. я работал на этих заводах. Сбирал личным наблюдением, а также из разговоров с другими техническими работниками.

– Вы получали какое-либо вознаграждение за собранные сведения?

– Нет, не получал.

– После отъезда Холль в Германию Вы с кем-нибудь связались по шпионской деятельности?

– Перед отъездом, примерно в конце декабря или начале января 1938 г. (точно не помню) Холль сказал мне, что через некоторое время со мной свяжется человек, который даст мне дальнейшие указания.

- С Вами связался кто-нибудь?
- Нет, никто не связался.
- Вы еще не все рассказали о своей преступной деятельности?
- Я все искренне рассказал, больше мне добавить нечего.

После этого чекисты забыли о существовании нашего героя уже на полгода. За это время произошло важное для него событие: в ноябре 1938-го наркомом внутренних дел вместо Н.И. Ежова был назначен Л.П. Берия. Какие-то следственные дела стали срочно пересматриваться, а кого-то даже выпустили на свободу. На допрос 25 декабря кроме двух следователей пришел и помощник Военного прокурора Ленинградского военного округа, военный юрист 1-го ранга Дмитриев. И П.Р. Классон сделал попытку дезавуировать свои «шпионские признания». Из протокола допроса:

- Сколько раз Вы арестовывались германскими властями в Германии?
- Я ни разу в Германии германскими властями не арестовывался и никаким репрессиям со стороны последних не подвергался.
- В собственноручных показаниях от 11 марта 1938 г. Вы показали, что в 1932 г. были арестованы германской полицией по подозрению в шпионаже в пользу СССР, а сейчас заявляете, что никаким арестам не подвергались. Чему же верить и чем объяснить разноречивость Ваших показаний?
- Мои собственноручные показания от 11 марта 1938 г. являются вымышленными и не соответствуют действительности, что мною было сделано под влиянием сокамерников и в частности арестованного Вестерблом Фридриха Константиновича, который сидел вместе со мной в камере №9, и тюремной обстановкой.*
- К Вам со стороны следствия были применены какие-либо физические меры воздействия?
- Нет, никаких мер физического воздействия со стороны следствия ко мне применено не было, и свои собственноручные показания я дал добровольно, но тем не менее они являются вымышленными, по причине того, что я показал выше.
- В своих показаниях от 11/III 38 г. Вы показали, что были связаны по шпионской работе с иностранным подданным, выехавшим из СССР в Швейцарию, Рорбах В.Ф. Последнего Вы охарактеризовали как человека враждебного к Сов. власти. Это тоже не соответствует действительности?
- Данные мною показания о моей шпионской связи с Рорбах не соответствуют действительности, а в остальном отвечают действительности, т.е. в том, что Рорбах выехал в Швейцарию и был враждебно настроен к Советской власти.
- На допросе от 11/III-38 г. Вы показали, что были связаны с крупным шпионом, германским подданным Кобель. Это соответствует действительности?
- Да, эти показания я давал, но они действительности не соответствуют. С Кобель, германским подданным, я был знаком с 1933 г. и одно время был с ним в дружественных отношениях. Последний в политических вопросах не разбирался, а его политические убеждения мне неизвестны.

* Из списка граждан, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных (том 11 «Ленинградского мемориала»), vizz.nlr.ru:

Вестерблом Серафима Георгиевна, 1895 г.р., уроженка г. Кронштадт, русская, беспартийная, домохозяйка, проживала: г. Ленинград, Дмитровский пер., д. 12, кв. 2. Арестовывалась в 1935 г. Вновь арестована 13 февраля 1938 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 14 октября 1938 г. приговорена по ст.ст. 58-6-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстреляна в г. Ленинград 22 октября 1938 г. (Ее первый муж Фридрих Константинович Вестерблом осужден в 1939 г. на 5 лет ИТЛ, их сын Анатолий Вестерблом осужден в 1942 г. на 10 лет ИТЛ.)

– Где находится в данное время Кобель и откуда Вам известно, что он является германским шпионом?

– Где находится в данное время Кобель, я не знаю, а так же мне неизвестно, что он шпион. В этой части мною так же даны вымышленные показания.

Эвфемизм «тюремная обстановка» – в фразе про «показания, сделанные под влиянием» означал пытки и избиения советскими чекистами советских же граждан!

«Во второй половине июля (?) 1937-го появилось указание Политбюро ЦК ВКП(б), разрешающее применять физические методы воздействия при допросах в ходе следствия по к.-р. преступлениям. В официальном порядке директива о применении пыток, по всей видимости, не рассылалась, и в архивах не обнаружена.

Содержание ее восстанавливается по телеграмме ЦК ВКП(б) от 10.01.1939, ограничивающей применение пыток, и по дискуссии на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г. Возможно, Сталин устно сообщил содержание директивы Ежову, который передал его руководящему составу НКВД–УНКВД в ходе совещания 16-20 июля (практически поголовные избиения на допросах фиксируются с конца июля – начала августа 1937-го).» – «Большой террор»: 1937-1938. Краткая хроника. Составители Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский.

Пребывание Павла во внутренней тюрьме НКВД на Шпалерной улице и жуткая «тюремная обстановка» подтверждаются, кстати, воспоминаниями Бориса Павловича Соколова, на момент ареста в июле 1937-го работавшего начальником участка корпусных работ крейсера «Киров» на Балтийском заводе:

7 января 1938 года <...> меня <...> перевезли во внутреннюю тюрьму на Шпалерной (Воинова) улице [25]. Поместили в 3-м корпусе, камера №9. Камера около 30 квадратных метров, в ней – около ста человек. Спали в два слоя. Если предыдущая тюрьма досаждала клопами, то здесь к неимоверному количеству клопов прибавились еще и вши. После отбоя надо было суметь заснуть в течение первых пяти минут. При очередной бане вся одежда уходила в автоклав, в «вошебойку», но это мало помогало, так как сама камера не подвергалась никакой дезинфекции. К тому времени я уже оброс бородой, поскольку был не новичок, и в камере получил место не на полу, а на столе.

<...> В 9-й камере старостой был певец Попов-Райский. Там были: артист Пушкинского театра Константин Вальяно, доктор Брашниковский, Классон – сын того самого Классона, именем которого названа электростанция, Забудько – начальник Волховского алюминиевого комбината, Алексеев – начальник мясокомбината имени Кирова, бывший царский консул в Тегеране Сабоцинский (90 лет) и другие.*

* Из списка граждан, расстрелянных в 1937-1938 гг. (10 томов «Ленинградского мемориала»), visz.nlr.ru:

Попов-Райский Викторин Елевфериевич, 1894 г. р., уроженец г. Камышлов (по др. данным г. Томск), русский, беспартийный, артист Театра оперы и балета им. Кирова, проживал: г. Ленинград, Кировский пр., д. 14, кв. 17. Арестован 18 октября 1937 г. Военным трибуналом ЛВО 8 января 1938 г. приговорен по ст. 58-б ч. 1 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 15 апреля 1938 г.

С сайта Кино-Театр.ru, www.kino-teatr.ru:

Вальяны: Мария Константиновна Вальяно (1896-1969) и ее брат Николай Константинович Вальяно (1903-1980), актер (более 500 раз сыграл бравого солдата Швейка в инсценировке романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» в спектакле Молодого театра [Ленинградского техникума сценических искусств]). <...> С 1931 года, не без участия сестры – он актер [ленинградского] Академического театра имени А.С. Пушкина. <...> В 1938 году Николай был арестован и сопровожден во внутреннюю тюрьму на Шпалерной 25. Кораблестроитель Соколов Борис Павлович (1907-1994), прошедший все ужасы ГУЛАГА, оставил воспоминания, в которых упоминается и Николай Вальяно, возможно по ошибке он называет [его] Константином или по созвучности, так как Вальяно – Николай Константинович.

Многих избивали, но врачи никак не регистрировали побои. На моей памяти у троих были сломаны ребра, но лечили их в камере домашними способами – обвязывали грудь туго полотенцем. Был прокурор, который под скамейками вскрыл себе вену. Крови было на полу много, но его вынесли из камеры еще живого. Был и такой, что сошел с ума во время следствия. Все звал во весь голос своего сына Юру. В нашем «наморднике» была внизу щель, через которую можно было видеть дворик для прогулки одиночек. Там, на прогулке, мы видели Рокоссовского и прокурора Ленинграда Позерна.

<...> Но вот, наконец, через семь месяцев пустого сидения и меня вызвали к следователям. Их было четверо: Дубинин, Смолин, Кучепатов и Лихачев. Да еще начальник отдела Цируль. Предъявили показания [арестованного ранее замначальника корпусного цеха Балтийского завода] Бродского от 15 мая 1937 года, в них он якобы заявил, что я все время получал деньги за вредительскую работу.

Пошел «малый конвейер»: каждую ночь у следователя стоишь у стены, а днем в камере надзиратели не дают спать. Бил меня только один из следователей – Лихачев, другие не били, а только кричали, изощряясь в ругательствах. Потом пошел «большой конвейер», то есть я стоял у стенки и день, и ночь, только отпускали в камеру съесть баланду, после чего – снова к следователю.

Это сопровождалось сильной болью в пояснице и галлюцинациями. Так, например, карта Европы, которая висела на противоположной стене над головой следователя, вдруг превращалась в яркую картину. Окна следственного кабинета в Большом доме, на четвертом или пятом этаже, где все это происходило, выходили на Литейный проспект, и было слышно, как идут трамваи, скатываясь с Литейного моста. Бывало, мне казалось, что трамвай, сверкая всеми своими огнями, въезжает в следственный кабинет.

Пытка путем лишения сна – это очень страшная пытка, и где-то в марте – апреле 1938 года я был как в тумане – дни и ночи слились в одно. У многих от такого состояния сильно отекали ноги, у одного развилась паховая грыжа. Действовало это разрушающе и на психику. (из Интернета)

По-видимому, Б.П. Соколов в своих воспоминаниях невзначай «интегрировал во времени» контингент камеры №9 не за один месяц своего «пустого сидения», а затем «малого и большого конвейеров», поскольку П.Р. Классон мог появиться в ней не ранее 4 марта 1938 года. После допроса последнего 25 декабря 1938 года следователи стали вызывать разнообразных свидетелей, работавших вместе с ним. Против Павла Робертовича были высказаны в основном достаточно неконкретные мнения: «отличался антисоветским поведением», «интересовался секретными работами» и т.д. Мы попробовали отрицательные и положительные характеристики расположить по отдельности, как в существовавшей когда-то телевизионной программе Михаила Гордона «Гордонкихот».

Итак, «отрицательно-шпионский потрет», условно говоря:

Каких-либо прямых антисоветских разговоров я от гр-на Классон не слышал. Но из высказываний Классон по тому или иному вопросу, по репликам антисоветского характера, которые можно было слышать от Классон, а так же и по тому, как он высказывался с иронией о Советской действительности, часто восхваляя жизнь в Германии, можно судить, что Классон к Советской власти относился недоброжелательно, больше симпатизируя Германии.

Так, например, от Классон часто можно было слышать такие термины как «совдепия», «арийское происхождение», которые имеют распространение среди белоэмигрантов в Германии, причем Классон всегда старался подчеркнуть свое чисто арийское происхождение. Также он часто писал вместо слова «советский» – «савецкий», проводя аналогию между этим словом и словом «дурак – дурацкий» и т.д. В 1935 г., когда производилась проба крови у всего личного состава завода, Классон, подчеркивая свое арийское происхождение, говорил о том, что у него должна быть чисто арийская кровь, а у неарийцов она свертывается и т.д. (из показаний Валентина Васильевича Швецова, инженера расчетной группы бюро паровых турбин завода им. Сталина)

Как специалист Классон являлся вполне квалифицированным работником. Порученную ему работу выполнял, но к работе Классон подходил формально, не чувствовалось, что он болеет за производство, что он заинтересован в быстрейшем проведении какой-либо темы, заказа и т.д. В общественной работе Классон никакого участия не принимал. Каких-либо определенных разговоров на политические темы у меня с Классон не было, но когда проводилось в жизнь какое-либо мероприятие Правительства, чувствовалось по поведению Классон, что он с недоверием относится к этим мероприятиям, всегда стараясь высказать это перед другими.

Конкретных фактов, характеризующих Классон с политической стороны, я привести не могу, но помню такой характерный момент, когда проводилось страхование жизни, Классон выразился следующим образом: «Я лучше съем лишнюю плитку шоколада, чем застрахую свою жизнь». (из показаний Надежды Георгиевны Бабковой, работавшей в лаборатории паровых турбин завода им. Сталина)

Я замечал, что Классон очень часто интересовался работами других сотрудников, причем нужно указать, что зная эти работы, можно было судить о всех новинках морского судостроения и их тактико-технических данных, в частности Классон часто заходил ко мне и интересовался совершенно секретными данными и новыми изобретениями, в то время как ему по роду своей работы не было необходимо этого знать.

<...> Он очень часто заходил в группу №4 (специальные работы по военным кораблям) и интересовался состоянием работы у сотрудников и их материалами, главным образом заводскими новинками, и поэтому он был в курсе всей работы нашей группы №4. (из показаний Александра Петровича Пугача, научного сотрудника НИИ Судостроения)

Тенденциозные показания Н.П. Шарухина, который, как известно, стал недругом П.Р. Классона после того, как тот его поймал в рабочее время на выполнении левого заказа, силами токаря и слесаря (см. очерк «Классонята»), мы здесь приводить не будем, они, кстати, вошли в протоколы последовавших вскоре допросов.

А теперь «положительный портрет», опять же условно говоря.

Сталкиваясь с гр-ном Классон по работе, я могу сказать о том, что Классон как специалист является высококвалифицированным работником. К порученной ему работе относился хорошо и всегда выполнял ее добросовестно. Неполадки, имевшие место в институте, всегда возмущали Классон, и чувствовалось, что за работу он болеет. В общественной жизни института Классон участия не принимал, но был довольно общителен и всегда помогал в работе своим товарищам.

Особых разговоров на политические темы у меня с Классон никогда не было, но в обсуждении различных вопросов, как о международном положении, так и внутреннего положения в Советском Союзе, Классон высказывал свое лояльное отношение к Советской власти. Антисоветских разговоров со стороны Классон мне никогда не приходилось слышать. (из показаний Иосифа Абрамовича Глузмана, работавшего в группе №4 НИИ Судостроения)

Сталкиваясь с ним по службе, я могу сказать, что Классон как инженер-теплотехник представлял из себя хорошо квалифицированного и знающего работника, к работе всегда относился вдумчиво и с любовью, к порученной ему работе подходил серьезно и выполнял добросовестно. На работе вел себя очень скромно и тихо и не старался выделяться среди других работников. (из показаний Вольдемара Августовича Кохберга, работавшего в НИИ Судостроения)

Классон работал в моей группе в качестве теплотехника до момента его ареста. К работе Классон относился хорошо, все поручения выполнял добросовестно. Как инженер, Классон вполне знающий и квалифицированный работник, но все вопросы, с которыми ему приходилось сталкиваться по работе, он самостоятельно разрешать опасался и всегда прибегал к помощи авторитетной комиссии, тем самым снимая с себя ответственность за ту или иную работу.

На политические темы у меня с Классон не было никаких разговоров, Классон всегда избегал таких разговоров. Когда среди сотрудников группы заводился какой-либо политический разговор, Классон всегда отстранялся от них, не принимая в разговоре никакого участия. (из показаний Виктора Михайловича Софронова, заведующего группой проектирования НИИ Судостроения)

Вооружившись показаниями свидетелей, следователи вновь подступились к П.Р. Классону. Из протокола допроса 26 февраля 1939 года (прошел почти год после ареста, а прямых доказательств обвинения у чекистов все еще не имелось):

– Когда и при каких обстоятельствах Вы установили связь с сотрудником германского консульства в Ленинграде – Холлем?

– Холль я совершенно не знаю и никогда с ним не встречался.

– Как же Вы можете отрицать свою шпионскую связь с германским разведчиком Холль, когда Вы сами на допросе от 25 июня 1938 г. заявили, что Вы по указанию Кобель установили связь с сотрудником германского консульства в Ленинграде Холль?

– Данные мною показания от 25 июня 1938 г. о моей шпионской деятельности являются вымышленными и не соответствуют действительности, т.к. эти показания мною были даны под влиянием моих сокамерников и тюремной обстановки.

– Вы говорите неправду и пытаетесь своими разноречивыми показаниями ввести следствие в заблуждение. Предупреждаем, что Вы, кроме своих признаний в шпионской деятельности, частично изобличаетесь показаниями свидетелей в этом. Говорите правду.

– Шпионажем я не занимался и никакой связи с германской разведкой я не имел.

– С какой целью Вы интересовались секретными сведениями по НИИ №4?

– Никакими сведениями секретного характера по НИИ №4 я не интересовался.

– Вам зачитываются показания свидетеля Пугач А.П. от 7 января 1939г.: «Я замечал, что Классон очень часто интересовался работами других сотрудников. В частности Классон очень часто заходил ко мне и интересовался совершенно секретными данными и новыми изобретениями, в то время как ему по роду своей работы не было необходимо этого знать». Почему Вас интересовали секретные сведения?

– Показания свид. Пугач А.П. я отрицаю. Никакими секретными сведениями я не интересовался.

– Следствие Вам не верит.

– Больше показать ничего не могу.

На следующий день следователь попытался «расколоть» П.Р. Классона показаниями его недруга Н.П. Шарухина. Из протокола допроса от 27 февраля 1939 года:

– Если Вы не намерены рассказывать о своей преступной деятельности, следствие будет изобличать Вас показаниями свидетелей о проводимой Вами фашистской агитации.

– Контрреволюционной фашистской агитацией я не занимался.

– Вам зачитываются показания свидетеля Шарухина Н.П. от 20 января 1939 г.: «По своим политическим взглядам Классон явно антисоветский человек. Высказывая свои взгляды на существующий строй в Сов. Союзе, Классон заявлял, что в Германии живет-ся гораздо лучше чем в СССР, а то, что пишется в газетах, это вымысел. В действительности же ничего этого в Германии нет!» Подтверждаете показания свидетеля Шарухина?

– Показания свидетеля Шарухина Н.П. я отрицаю и добавляю, что с ним я находился в ссоре.

– Вам зачитываются показания свидетеля Швецова В.В. от 3 февраля 1939 г.: «Классон всегда высказывался с иронией о советской действительности, часто восхвалял жизнь в Германии, и поэтому я могу судить, что Классон к Советской власти относится недоброжелательно, больше симпатизирует Германии». Вы и теперь будете отрицать Вашу контрреволюционную деятельность?

– Вывод Швецова, из моих разговоров о Германии, неправильный. Никаких иронических высказываний о советской действительности у меня не было. Никакой симпатии к гитлеровской Германии я никогда не высказывал.*

– Следствие Вам не верит.

– Я говорю правду и других показаний у меня нет.

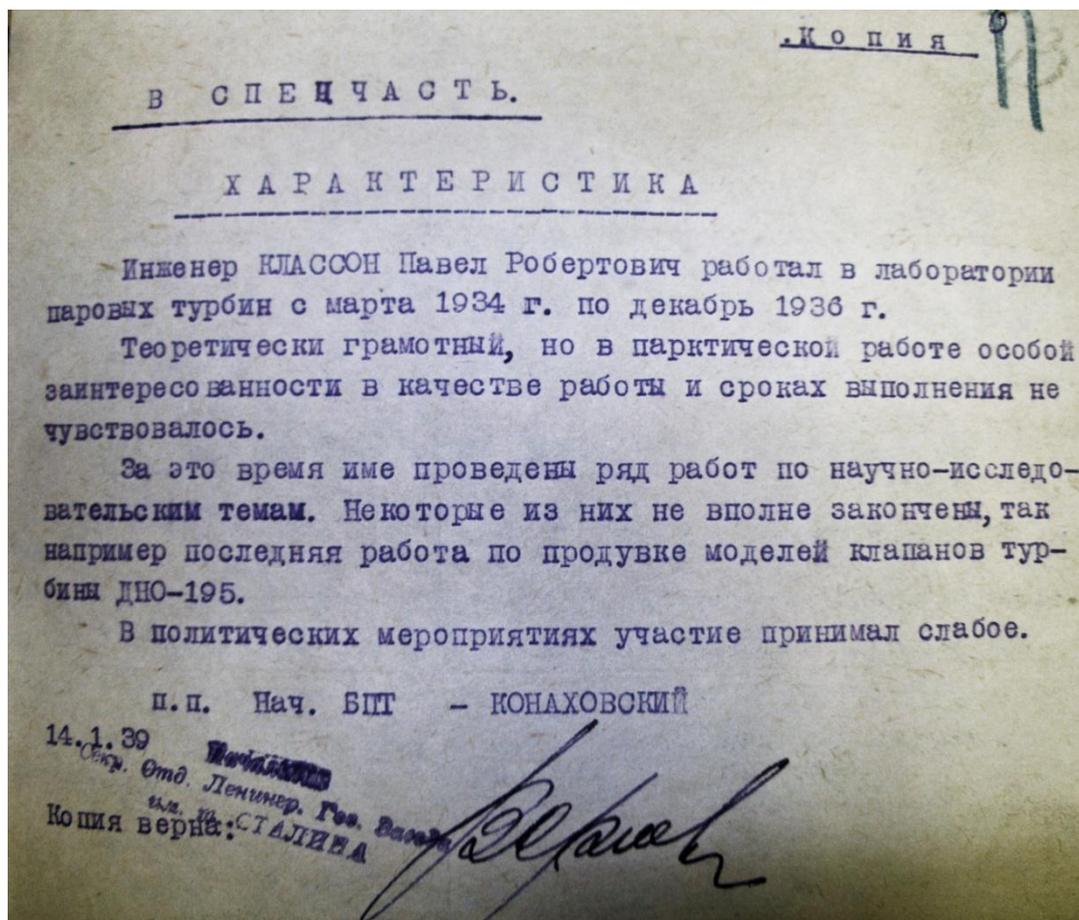
Добавим сюда характеристику на П.Р. Классона из Секретного отдела Ленинградского Государственного завода им. тов. Сталина, составленную начальником Бюро паровых турбин Конаховским 14 января 1939-го:

Инженер Классон Павел Робертович работал в лаборатории паровых турбин с марта 1934 г. по декабрь 1936 г. Теоретически грамотный, но в практической работе особой заинтересованности в качестве работы и сроках выполнения не чувствовалось. За это время им проведен ряд работ по научно-исследовательским темам. Некоторые из них не вполне закончены, так например последняя работа по продувке моделей клапанов турбины ДНО-195. В политических мероприятиях участие принимал слабое.

Месяц чекисты «не беспокоили» П.Р. Классона, а затем попытались «расколоть» его очными ставками. В промежутке между допросами, 13 марта было вынесено постановление на опись имущества – по признакам ст. 58-б (шпионаж) УК предусматривалась конфискация имущества, принадлежавшего обвиняемому, в соответствии со ст. 121а УПК.

При описи имущества 19 марта 1939 года теща Александра Васильевна Фомичева показала, что муж, с которым она нажила описанное имущество – убогую мебель, умер в 1920-м, а зять ее пришел проживать в их квартиру в 1932 году и ничего с собой кроме белья не принес. Таким образом, у Павла было описано только: рубашка трикотажная верхняя, рубашка белая ситцевая нижняя, кальсоны трикотажные – двое (все белье поношенное). Остальная одежда, включая пальто, была на нем при его аресте.

* Возможно, здесь всплывала давешняя фраза П.Р. Классона: «мюнхенское пиво лучше ленинградского», однако в протоколы допросов свидетелей и обвиняемого она по каким-то обстоятельствам не попала.

Характеристика из Секретного отдела Ленинградского завода им. тов. Сталина

Из протоколов очных ставок от 20 марта 1939 года:

– Вопрос свидетелю Шарухину Н.П. Охарактеризуйте Классон П.Р. с производственной стороны.

– К производственной работе Классон П.Р. относился рвачески, свою основную работу, в урочное время, заваливал и очень часто переносил на сверхурочное время. Кроме того Классон П.Р. к своей основной работе относился невнимательно, и, как результат, его работа по испытанию клапанов была забракована.

На этой работе Классон проработал около года. Мною как профоргом ставился вопрос в 1936 г. перед пом. начальника бюро паровых турбин и перед зав лабораторией о снятии Классона с работы.

– Вопрос обвиняемому. Вы подтверждаете показания свидетеля Шарухина Н.П.?

– О том, что проделанная мною работа по испытанию клапанов была забракована, после моего ухода с лаборатории, мне неизвестно. Что же касается рваческого отношения к основной производственной работе с моей стороны, как заявляет свидетель Шарухин, такового рвачества у меня не было. Должен признать, что я всегда работал сверхурочно, но это было из технических соображений и с разрешения начальника бюро паровых турбин.

– Вопрос свидетелю. Как Вы считаете показания обвиняемого Классон П.Р.?

– Показания Классон П.Р. неверны. Эту работу, которую он выполнял в сверхурочное время, вполне можно было сделать в урочное время.

– Вопрос свидетелю. Что Вам известно об антисоветских высказываниях со стороны Классон П.Р.?

– К проводимым мероприятиям Сов. правительством Классон П.Р. относился отрицательно, так например во время подписки на заем в 1936 г. Классон заявил: «Я подписываться на заем не буду, у меня и так достаточно старых облигаций». И лишь после продолжительных уговоров сотрудников лаборатории Классон подписался.

– Вопрос обвиняемому. Подтверждаете показания свидетеля Шарухина Н.П.?

– Нет. Показания свидетеля Шарухина я отрицаю.

– Вопрос свидетелю. Вы лично слышали когда-либо со стороны Классон П.Р. высказывания в антисоветском духе?

– Нет, я лично никогда не слышал антисоветских высказываний со стороны Классон П.Р., т.к. со мной никогда на политические темы не разговаривал, но мне известно со слов инженера Маркова (выехал в Архангельск в 1937 г.), что Классон в беседе с ним [выражал недовольство к существующему в СССР строю,]* восхвалял жизнь в Германии и клеветнически отзывался о нашей прессе.

– Вопрос обвиняемому. Происходили у Вас разговоры с Марковым на эту тему?

– Да, я с Марковым разговаривал на тему о жизни в Германии, но я никогда не восхвалял в присутствии Маркова жизнь в Германии. Что же касается вопроса о нашей прессе, то таковой я отрицаю.

<...> – Вопрос свидетелю Пугач А.П. Что Вам известно о Классон П.Р.?

– Мне известно со слов Классон, что он продолжительное время проживал в Германии, где окончил институт и после учебы проходил стажировку. В частных беседах с Классон я убедился, что он обладает большими знаниями в области теплотехники, но несмотря на это Классон избегал ответственной работы. В 1937 г. Классону была поручена работа по проектированию теплотехнических лабораторий, Классон спроектировал и с большими дефектами и рядом заниженных показателей, в результате чего этот проект был забракован 2-м Главным управлением Наркомата Оборонной Промышленности и возвращен обратно для переделки. Эта работа длилась около года.

– Вопрос обвиняемому. Вы подтверждаете показания свидетеля Пугач А.П.?

– Да, я действительно возглавил работу по проектированию теплотехнических лабораторий НИИ №4, но о забракованности этого проекта мне неизвестно, т.к. проект, по показаниям свидетеля Пугач, был возвращен из 2-го Главного управления НК ОП после моего ареста.

– Вопрос свидетелю. Какое отношение к секретной работе имел Классон в НИИ №4?

– Непосредственного отношения по своей основной работе он не имел, никаких отношений к спец. работе, но он имел повседневный стык с отдельными спец. работами института, ввиду личного контакта с рядом специалистов.

– Вопрос обвиняемому. Вы имели какое-либо отношение к спец. работе?

– Никакого отношения к спец. работе я не имел.

После этих очных ставок Павел Робертович решил, в ответ на предложения Начальника Управления НКВД по Ленинградской обл., дать в конце марта 1939-го «точные и правдивые показания о своей деятельности и настроениях за период времени с 1925 г.», начало которых мы приводили в очерке «Классонята».

* Эти слова «свидетелем» Н.П. Шарухиным были вычеркнуты при чтении протокола.

А здесь дадим их заключительную, «психологическую часть»:

Перехожу теперь к моим настроениям в Ленинграде. При моем возвращении из-за границы я конечно испытывал некоторые лишения в связи с карточной системой и т.п., однако в то время я не имел семьи и имел достаточный для меня одного заработок. Трудное материальное положение я испытывал после того, как обзавелся семьей в период 1934-36 годов. После моего перехода в НИИ-4 мое материальное положение улучшилось и оставалось удовлетворительным вплоть до ареста.

Но конечно никакие антисоветские действия мне никогда и не приходили в голову, не говоря уже о том, что они были бы для меня неприемлемы, поскольку набрасывали бы тень на имя моего отца, и кроме того я не забывал, что я получил образование благодаря Советскому правительству. Таким образом, мое утверждение о моем лояльном отношении к Советскому правительству в протоколе допроса от 27/II-39 г. правильно. Я не был никогда шпионом, вредителем и т.п.

Перехожу теперь к моим высказываниям о загранице, поскольку в постановлении об аресте сказано о националистической контрреволюционной агитации в пользу Германии. Отмечу прежде всего, что у меня никогда не было намерения вести какую-либо националистическую контрреволюционную агитацию в пользу Германии, так как это для меня так же неприемлемо, как и какая-либо другая контрреволюционная деятельность (на что я указал выше). Тем более что к национализму и шовинизму я относился всегда отрицательно. К фашистскому движению в Германии я во время моего пребывания за границей не соприкасался и относился [к нему], как во время пребывания за границей, так и после возвращения в СССР, отрицательно.

Мои высказывания о загранице вызваны были тем, что меня расспрашивали о загранице мои сослуживцы. Относится это лишь к периоду моей работы на заводе им. Сталина в 1934-36 годах, т.к. на Северной Верфи и без меня было много «настоящих» иностранных специалистов, и меня никто не расспрашивал, а в НИИ №4 в 1937 г. были люди, недавно приехавшие из заграничной командировки (например, К.А. Печенюк, вернувшийся из Италии), а времени [после] моего приезда (1932 г.) прошло уже несколько лет. Таким образом, и тут не было высказываний о загранице, которые могли быть как-нибудь истолкованы, что безусловно подтверждают свидетели из НИИ №4.

Что же касается до моих высказываний в лаборатории паровых турбин завода им. Сталина, то я о них сожалею и считаю, что делал ошибку, не учитывая того, что во-первых мои собеседники абсолютно не знакомы с капиталистическими условиями в Западной Европе, что может привести их к неправильным выводам; во-вторых я не учитывал того, что хотя все мои высказывания естественным образом относились по времени моего пребывания за границей, т.е. к периоду 1925-32 годов, но делались они в Ленинграде, т.е. когда в Германии уже был фашизм. Кроме того те высказывания о загранице, которые были непосредственно связаны с моими воспоминаниями о моем пребывании за границей, делались очевидно тоном, который создавал неправильное представление о моем отношении к Германии.

Я не отрицаю того, что отношусь с симпатией к германскому народу, что студенческие годы, проведенные за границей, оставили у меня прекрасные воспоминания, но это не значит, что я симпатизирую германскому национализму, а тем более я отрицательно отношусь к фашизму. Со стороны немецких националистов я сам терпел оскорбления вроде возгласов «свиньи-иностранцы», направленных ко мне.

Управление НКВД Л.О.
предложение № 27/III 39г дать точные и
показанья о моей деятельности и
настроениях за период времени с 1925 года
следующее: В апреле 1925 года я получил
советский заграничный паспорт. Я
в это время в Массиве на наживенни
моего отца Роберт Эдуардовича Классона.
Швей Робертович Классон ^{который на 5 лет старше меня} находился в
это время в Берлине, где он учился в Веймарской
школе. Со временем он выехал также по
своему паспорту ^{всё лето} в конце 1922 года. В конце
года уехал по советскому паспорту в Германию
приехал Юрий Викторович Курдючков.
Он обратил мое внимание получить паспортные
записки в Германии было вполне естественно,
более того в 1925г в СССР не было паспортных
записок, которые появились в годы ре-
волюции ^{за границей} у меня было сильное желание
получить крупные машиностроительные заводы
и заводы. Мой покойный отец написал письмо
на директору Гансмахера, одному из дирек-
торов Фридрих Сименс-Шукерт в Берлине с
просьбой устроить меня практикантом на завод
Фридрих Сименс-Шукерт, так как для получения

«Точные и правдивые показания о своей деятельности и настроениях за период времени с 1925 г.» (1-я страница)

Однажды я рассказывал о белоэмигрантской прессе, указав на отличие по внешности, т.е. на старое правописание, разных словечек. Это дало свидетелю Швецову основание писать, что я якобы употреблял эти слова. Об этих высказываниях я безусловно сожалею, т.к. их вообще не надо было делать. Все эти мои высказывания я никогда не рассматривал в совокупности и не анализировал, что сделал лишь теперь, в 1939 г., в тюрьме, где я воочию увидел ожесточенную классовую борьбу, о чем раньше только читал в газетах.

4 марта 1938 г. я был арестован, и общая камера, куда я попал, произвела на меня потрясающее впечатление. Мне в тот же день сказали: «из Вас сделают шпиона». Я и сам считал это обвинение вероятным, когда при обыске особое внимание было обращено на чертежи, имевшиеся у меня. Вскоре после ареста один из сокамерников – Ф.К. Вестерблом начал убеждать меня не сопротивляться на следствии и подписывать и писать хотя бы и неправду. Причем утверждал, что он сам поступил таким образом и что лишь при этом можно избежать применения к себе физического воздействия на допросе. Когда я был вызван 11/III-38 г. на следствие, под влиянием советов и уговоров сокамерников, а также, что я видел в камере много лиц, к которым были применены меры физического воздействия, а во время самого допроса я слышал крики подследственного из соседнего кабинета, я поддался моральному нажиму со стороны следователя и, желая избежать применения ко мне мер физического воздействия, которыми он мне угрожал, я дал ложные сведения и показал, что был арестован в Германии, хотя за все время моего пребывания за границей я никогда арестован не был.

Написал я это потому, что в этом случае, т.е. в случае вербовки в Германии, я во-первых не должен был указывать на какого-нибудь невинного человека в СССР, что он меня завербовал. Кроме того мне было известно, что если советский гражданин арестовывается в Германии, то об этом сообщают Полпредству СССР в Германии, и, таким образом, я считал, что поскольку я никогда не арестовывался, а Полпредство в Берлине могло это подтвердить, то имелась для меня возможность позднее, если к тому представилась бы возможность, реабилитироваться.

О том, что эти мои показания ложны, я указывал уже на второй день, 12/III-38 г., затем 14/VI-38 г., что наконец и было отмечено в протоколе отрицания от 25 июня.*

По тем же самым соображениям и в той же обстановке, что и в марте 1938 г., я подписал протокол от 25 июня 1938 г., который содержал вопросы, которые мне никогда не задавались, и ответы, которые я не давал. Из этого протокола я впервые узнал о служащем германского консульства [в Ленинграде] Холле, о том что на заводе им. Сталина изготавливались орудийные башни для крейсеров и т.п.

Пробыв почти 14 месяцев в тюрьме, я не испытываю озлобления, тем более, что я вижу, с моим делом с декабря 1938 г. тщательно разбираются. Мое желание: получить возможность работать по специальности, на пользу Советского Союза, и своей работой загладить мои ошибки.

Поразительные по искренности признания. Стоит при этом отметить, что большевики, после освобождения П.Р. Классона, так и не дали работать по специальности опытнейшему инженеру – тепломеханику и турбинисту, зато «подозрительному немцу». Нетрудно понять, что пользы Советскому Союзу это отнюдь не принесло. Перед вынесением обвинительного приговора последовало еще два перемещения нашего героя в «Большой дом» на Литейном для допросов.

4 мая следователей интересовали дополнительные обстоятельства его интереса к переходу в германское подданство:

– *Вы будучи командированы на учебу в Германию и находясь там с 1925 по 1932 год, пытались принять германское подданство и стать невозвращенцем?*

– *Да, я будучи в Германии намеревался в 1931 году принять германское подданство.*

– *Какие причины побудили Вас в этом?*

– *Мне было известно, что в то время происходили в СССР аресты крупных специалистов, в том числе был арестован ближайший сотрудник моего отца – Кирпичников Виктор Дмитриевич, сын которого Кирпичников Юрий учился так же в Германии. С ним я был в хороших, приятельских отношениях, я считал, что Кирпичников В.Д. не виновен.*

Кроме того, на мое настроение влияли знакомые мне Ульман и Фейникеви, которых я встречал в Берлине, последние при встрече со мной не советовали возвращаться в СССР. Оба они были иностранные подданные, и один из них, Фейникеви, некоторое время работал в системе Внешторга в Москве, а Ульман работал директором электростанции в г. Лодзь (Польша) и бывал иногда в Берлине.

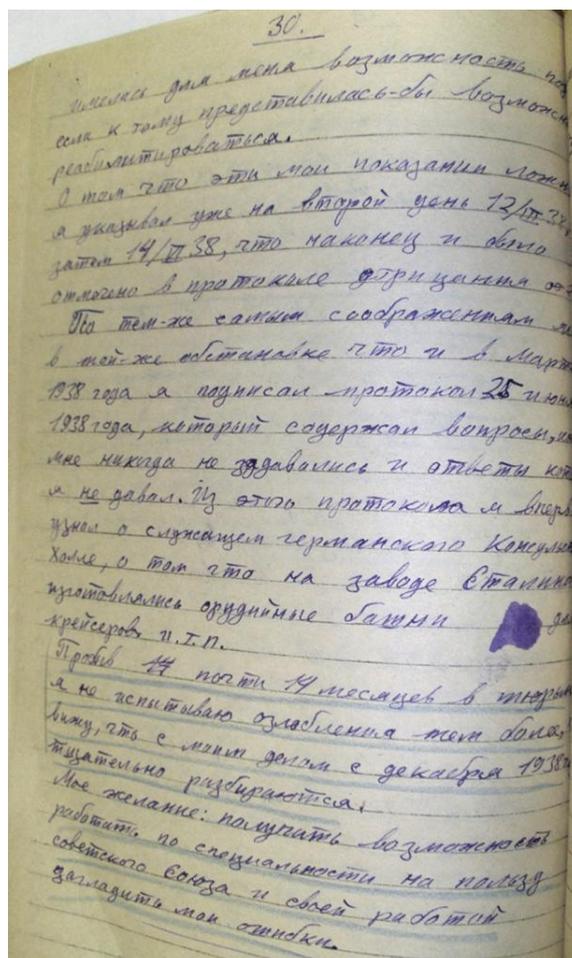
*Кроме того у меня было намерение жениться на швейцарской подданной Арнд, с которой я познакомился будучи на практике в Швейцарии**.*

– *Почему же Ваш брат Иван Робертович Классон не боялся ареста после окончания учебы в Германии и вернулся в СССР в 1930 году?*

– *Это я объяснить не могу.*

* Скорее всего, описка: «протокол отрицания» появился 25 декабря 1938 г. (см. выше).

** По-видимому, это дочка знакомого Р.Э. и П.Р. Классонам инженера Арнд.

«Точные и правдивые показания о своей деятельности и настроениях за период времени с 1925 г.» (последняя, 30-я страница)

- К кому Вы обращались за содействием в переходе в германское подданство?
- По этому вопросу я обращался к директору акционерного общества «Лихт унд Крафт» Виктору Брюнигу, который и обещал мне посодействовать в этом вопросе.
- И что же дальше?
- После этого я от своих намерений, в переходе в германское подданство, отказался, о чем поставил в известность Брюнига.
- По этому вопросу Вы сами лично обращались к германским властям?
- Нет.
- Почему же Вы по этому вопросу обратились к Брюнигу, а не к властям непосредственно?
- Твердых намерений, о принятии германского подданства, у меня не было. Кроме того к тому времени в СССР многие арестованные ранее специалисты были освобождены, в том числе был освобожден и Кирпичников В.Д. К тому же в то время выдвинутые шесть условий Сталина много изменили в отношении к старым специалистам. Исходя из этого, я свои намерения о принятии германского подданства изменил.
- Следствие Вам не верит и требует дать правдивые показания о проделанных вами намерениях в переходе в германское подданство.
- Я сказал правду и других показаний я дать не могу.

Поясним здесь про «шесть условий Сталина». Из речи вождя на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.: *«Вкратце: 1. В условиях исчезновения безработицы необходимо использовать оргнаборы рабочей силы, а также механизировать труд. 2. Поднять зарплаты квалифицированных рабочих по сравнению с неквалифицированными, улучшить снабжение, жилищные условия. 3. Улучшить организацию труда. 4. Создать новую производственную интеллигенцию. 5. Проявлять заботу о старой технической интеллигенции и шире привлекать ее к работе. 6. Развить хозрасчет».**

На допросе 2 июля 1939 г. чекистов интересовало, что Павлу известно «о преступной деятельности Кирпичникова Ю.В.» Об этом он ничего сказать не мог и поэтому развивал подробности о контактах со своим другом в Германии и СССР. И, похоже, столичным коллегам ленинградских чекистов так и не удалось затем доказать «преступную деятельность» последнего, тем более – оформить «преступную группу» во главе с ним:

– На допросе 10 марта 1938 года Вы указали в числе Ваших близких знакомых Кирпичникова Юрия Викторовича. Скажите, кто такой Кирпичников Ю.В. и при каких обстоятельствах Вы с ним познакомились?

– Кирпичникова Ю.В. я знаю с малых лет. Он является сыном инженера-технолога Кирпичникова Виктора Дмитриевича, работавшего в свое время у моего отца Классона Роберта Эдуардовича в должности помощника заведывающего Московской Электрической станции. Проживая в гор. Москве в одном доме, я довольно часто с Юрием Кирпичниковым встречался, бывая друг у друга на квартирах.

Одно время, примерно в 1916 и 1917 г.г., Юрий Кирпичников проживал у меня под Москвой в 70 километрах по Владимирскому шоссе на электростанции имени моего отца Классона Р.Э. В 1924 году он вместе со своей матерью Вандой Густавовной Кирпичниковой выехал за границу в Германию, в гор. Гейдельберг.

– С какой целью Кирпичников Юрий и его мать Ванда Кирпичникова выехали за границу?

– Какая у них была цель выезда за границу, мне неизвестно, но насколько это правильно, они как будто бы выехали в Германию из-за сложившихся семейных обстоятельств, заключавшихся в разводе отца и необходимости лечения матери, а Юрию – повышения технического образования.

– Кто по социальному происхождению семья Кирпичникова?

– Насколько мне известно, отец Юрия – Виктор Кирпичников происходит из семьи уральского казака, мать же была по национальности полька, и соцпроисхождения ее не знаю.

– Поддерживали ли Вы связь с Юрием Кирпичниковым, после его отъезда за границу?

* Про «шесть условий Сталина» П.Р. Классон узнал из газет. А вот что происходило на местах:

Мытарства советских инженеров

Газета «За Индустриализацию» продолжает обращать внимание на бесправное положение инженеров и техников, несмотря на то, что улучшение их быта составляет одно из «шести условий» Сталина.

В Киеве за короткое время незаконно выдворены из своих квартир десятки инженеров и техников, причем некоторые из них в это время находились в ответственных командировках.

В Челябинске инженерно-техническая секция устроила образцовую столовую. Она понравилась городскому отделу питания, и тот превратил ее в пивную самого последнего пошиба, где пьянство, драки и ругань стали обычным явлением.

На Белорецком заводе (Урал) местный совет взял подписку о невыезде директора завода и начальников доменного и мартеновского цехов. Все они премированы за досрочное выполнение [производственной] программы и должны выехать в ответственные командировки, но не могут двинуться с места, т.к. их не пускает местная власть, обвиняющая их в нарушении... противопожарных правил.

«Возрождение» (Париж), 15 июля 1932 г.

– Систематической связи с Юрием Кирпичниковым в бытность его за границей в Германии у меня не было, но периодически письменно я с ним поддерживал, до моей встречи его в Германии.

– Когда Вы встретили Кирпичникова Юрия за границей и где?

– В 1925 г. в гор. Берлине.

– При каких обстоятельствах произошла Ваша встреча?

– Из СССР, в июне м-це 1925 года я для усовершенствования своей квалификации выехал в Германию. Проживая в Берлине, Кирпичников Юрий приехал из Гейдельберга к своему отцу Кирпичникову Виктору, находившемуся тогда в служебной командировке и временно проживавшему в Берлине, посетив также и меня.

– Каким образом Кирпичников Юрий узнал о том, что Вы проживаете в Берлине?

– С приездом меня в Германию и остановившись на жительство в г. Берлине, я Кирпичникова Юрия уведомил об этом письмом, сообщив ему свой адрес.

– Как часто у Вас происходили встречи с Кирпичниковым Ю.В. за границей?

– За границей Кирпичникова Юрия встречал ежегодно. Вторая моя встреча с ним происходила в гор. Гейдельберге в 1925 году, в рождество, куда я приехал в дни своего отпуска. В 1926 году проездом через Гейдельберг, совершая ознакомление городов Германии, я третий раз посетил Кирпичникова Юрия, пробыв у него около десяти дней. Следующая встреча с ним у меня была весной и осенью 1927 года, когда я из Берлина ехал в Констанц, где учился в Инженерной школе, и после окончания семестра следовал к брату в Берлин. С начала учебного года, т.е. осени 1927 г. он уже проживал в Констанце и учился в том же учебном заведении, где и я, так что наши встречи с ним с этого момента участились, систематически посещая друг друга.

В 1930 году весной, после окончания учебного заведения в Констанце я уехал на практику в Швейцарию, куда Кирпичников один раз приезжал ко мне из Констанца, я же, в свою очередь, в этом же году посетил Юрия в Констанце, где он заканчивал учебу в Инженерной школе. После окончания учебы в Инженерной школе Кирпичников Юрий в 1932 году весной выехал в СССР, с группой советских студентов.

– Назовите, каких студентов?

– Из числа группы студентов, следовавших вместе с Кирпичниковым Юрием, я знаю только одного Охримского Александра Самойловича, являвшегося членом союза советских студентов в Берлине. Остальных никого не знаю.

– Где находится в настоящее время Охримский А.С.?

– Видимо, в Москве, так как он там проживал и учился.

– К каким организациям Кирпичников Юрий, проживая за границей, примыкал?

– Насколько я знаю, Кирпичников Юрий, проживая в Констанце и Гейдельберге, к союзу советских студентов никакого отношения не имел в связи с тем, что в этих городах, кроме Берлина, указанной организации союза советских студентов не существовало, но перед отъездом в СССР Юрий Кирпичников в гор. Берлине оформил членство союза советских студентов, получив соответствующую помощь в деньгах и документах на въезд в СССР.

– Когда Вы приехали в СССР из-за границы?

– В Москву я приехал 2 сентября 1932 г., выехав из Берлина 31 августа этого года.

– По приезде в СССР встречались ли Вы с Кирпичниковым Юрием?

– Да, встречался. Первая моя встреча с ним произошла в сентябре м-це 1932 г., сразу же после моего приезда из-за границы, в Москве, как у него на квартире, так и у меня на квартире моей сестры Татьяны Робертовны Свенчанской, у которой я временно проживал. В конце сентября м-ца 1932 года я из Москвы уехал в Ленинград и до 1935 года кроме письменной связи с ним не поддерживал.

– Когда Вы видели Кирпичникова Ю.В. в последний раз и где?
– Последний раз Кирпичникова Юрия Викторовича я видел в феврале м-це 1938 года у меня на квартире, куда он приехал ко мне, будучи в командировке и навестив меня.
– Какие разговоры происходили между Вами при встречах с Кирпичниковым Ю.В.?
– Кроме бытовых, разговоров у нас никаких с ним не было.
– А разговоры политического содержания разве у Вас не были?
– Основных политических разговоров у меня с Кирпичниковым не было. Единственное, о чем мы имели с ним беседы, это о захвате власти фашизмом в Германии, которую осуждали и относились к их действиям отрицательно. Других бесед у меня с ним не было.

– Что Вам известно о Кирпичникове Ю.В. вообще и что Вам рассказывал последний при встречах?

– Будучи еще за границей, примерно в 1930 году, из разговоров с Кирпичниковым Ю. последний мне говорил, что его отец Кирпичников Виктор Дмитриевич, не знаю когда, якобы арестовывался в связи с процессом Промпартии и был [впоследствии] освобожден. Кроме этого, при встрече в феврале м-це 1938 года в Ленинграде, Кирпичников Ю. сообщил мне, что его отец арестовывался и в 1936 году и осужден к 10 годам концлагеря. Кирпичников Ю. также мне сообщил, что его жена Эйхеман (фамилия не точна, так как я ее совершенно не знаю) в 1937 г. арестована по обвинению в шпионаже, и он со службы был за это уволен. Больше мне Кирпичников Ю. ничего не говорил, и я о нем ничего не знаю.

– Что Вам известно о преступной деятельности Кирпичникова Ю.В.?

– Ничего не известно, и об этом показать ничего не могу.

23 июля был проведен заключительный, по-видимому, допрос П.Р. Классона (чисто формальный – всего за полчаса):

– Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении по ст.ст. 58-б и 58-10 ч. 1 УК РСФСР?

– Нет. Виновным себя ни в чем не признаю. Контр-революционной и шпионской деятельностью я не занимался и не проводил. Показания на следствии я давал ложные, оклеветав в этом самого себя.

В том же месяце чекисты «сшили» нашему герою обвинительное заключение:

В УНКВД ЛО поступили данные о том, что проживающий в Ленинграде Классон Павел Робертович занимается контрреволюционной деятельностью против советской власти. На основании этого Классон П.Р. был арестован. В процессе расследования было установлено, что Классон П.Р. с 1925 по 1932 г. проживал в Германии, где учился в инженерной школе и работал на заводе «Сименс-Шуккерт», пользуясь покровительством директора этой фирмы – Функе-Тоннемахер. В Берлине Классон также пользовался большим покровительством [??? – МК] директора германо-румынской нефтяной компании – Брюнига, который в свое время был директором германского общества, эксплуатировавшего нефтяные промысла в Баку. Находясь в Германии Классон выезжал в Швейцарию и Данию, где имел встречу с быв. банкиром Шуатхейс [??? – МК]. В 1931 г. Классон намеревался принять германское подданство и стать невозвращенцем, но впоследствии от своих намерений отказался и в 1932 г. выехал в Советский Союз.

На последующих же допросах Классон от ранее данных им показаний отказался. Показания свидетелей: Пугач А.П., Шарухина Н.П. Швецова В.В. – Классон П.Р. характеризуется как антисоветски настроенный человек, рвач на производстве. Кроме того, по показаниям свидетеля Пугач А.П. Классон П.Р. проявлял повышенный интерес к новинкам морского судостроения и выявлял тактико-технические данные совершенно секретного характера, которые, по роду работы, Классону не полагалось знать.

Показания свидетелей: ПУТАЧ А.П., ШАРУХИНА Н.П., ШВЕЦОВА В.В. - КЛАССОН П.Р. характеризуются как антисоветски настроенный человек, рвач на производстве.

Кроме того, по показаниям свидетеля ПУТАЧ А.П. КЛАССОН П.Р. проявлял повышенный интерес к военным морского судостроения и выявлял тактико-технические данные совершенно секретного характера, которые, по роду работы, КЛАССОНУ не полагалось знать. /д.д. 48-49-51, 54-55-72/.

На основании изложенного - ОБВИНЯЕТСЯ:

КЛАССОН Павел Робертович, 1904 г.р., уро. г.Риги, немец, гр-н СССР с/п, не судим, с 1925 по 1932 г. проживал в Германии, служащий, до ареста - сотрудник Научно-Исследовательского Института № 4, проживал: Смоленский пр., № 6, кв. 58.

В ТОМ, ЧТО:

является антисоветски настроенным человеком и крайне подозрительным по шпионажу в пользу Германии,

т.е. в пр.пр.ст.ст.58-10ч.1 и 58-6 УК РСФСР.

Винным себя вначале признал, но впоследствии от ранее данных показаний отказался.

Изобличается свидетелями ПУТАЧ Н.П., ШАРУХИНЫМ Н.П. и ШВЕЦОВЫМ В.В. и очными ставками с последним.

Считая следствие по настоящему делу законченным и руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР

П О С Т А Н О В И Л:

Следственное дело № 43304-38г. по обвинению КЛАССОН П.Р. в пр.пр.ст.ст. 58-6 и 58-10 ч.1 УК РСФСР, по согласованию с прокурором ЛВО направить на рассмотрение ОСОВОГО СОВЕЩАНИЯ при НКВД СССР.

Ст.Следователь Следственной Части УНКВД по Ленинграду - Сержант ГЕ... /ТМАКОВ/

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ УНКВД гор.Ленинграда - КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: /КОЖЕВНИКОВ/

ПАСАЖ: 1.Обв.КЛАССОН П.Р. арестован 4.И-38г. и содержится в ден. тюрьме УГБ.
2.Вещественных доказательств по делу нет.

Ст.Следователь След.части УНКВД гор. Ленинграда - Сержант ГЕ... /ТМАКОВ/

Обвинительное заключение

Кстати, в обвинительном заключении имеется примечание: «вещественных доказательств по делу нет». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Личные письма «шпиона», как мы уже отмечали, были сожжены еще в 1938-м (хотя письменная связь с рядом лиц, проживающих в Германии, в обвинительное заключение вошла). А куда же делись 3 папки с чертежами на синьке и 7 папок по исследованию процессов заводских работ? По-видимому, тоже были уничтожены, как не представляющие оперативного интереса. Таким образом, все обвинение отталкивалось от «царицы доказательств – признания обвиняемого».

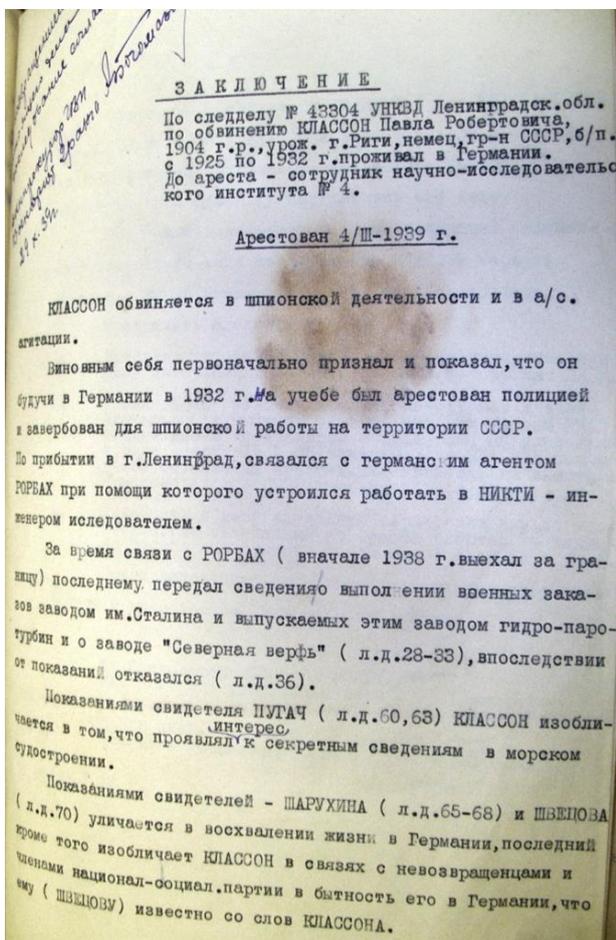
Казалось бы, Особому совещанию при НКВД СССР (три человека заочно, в отсутствие подсудимого рассматривают дело) ничего не стоило проштамповать решение – «германский шпион» и впясть 15-20 лет лагерей (или даже приговорить к расстрелу!). Но оказалось, что в Москве были и вдумчивые чекисты и судебные работники!

Из сентябрьского за 1939 год заключения по следственному делу №43304:

<...> Допрошенные свидетели Кохберг, Сафронов и Глузман Классона характеризуют с положительной стороны, как квалифицированного работника и серьезно относившегося к порученному ему делу. На основании изложенного полагал бы – дело по обвинению Классон вернуть обратно в УНКВД Ленинградск. обл. на доследование. Предложить следствию:

<...> 2. Уточнить, на основании каких материалов в обвинительном заключении указано, что обвиняемый Классон не хотел возвращаться в СССР, т.к. на указанных в деле листах (таких-то) записано, что Классон после учебы остался на прохождение практики на иностранных заводах и [по ее завершению] приехал в СССР добровольно.

3. Приобщить к делу служебную характеристику из института, где обвиняемый до ареста работал, а также допросить лиц, знающих обвиняемого КЛАССОН по быту. После дополнительно добытых материалов разрешить вопрос о направлении дела по подсудности.

Допрошенные свидетели КОХБЕРТ (л.д.75), САФРОНОВ (л.д.79) и ГЛУЗМАН, КЛАССОНА характеризуют с положительной стороны, как квалифицированного работника и серьезно-относительно к порученному ему делу.

При таких доказательствах, на основании изложенного полагал-бы-дело по обвинению КЛАССОН вернуть обратно в УНКВД Ленинградск. обл. на исследование.

Предложить следствию:

1. Выяснить кто такой РОРБАХ и какими компрометирующими материалами на него располагают органы НКВД.
2. Уточнить на основании каких материалов в обвинительном заключении указано, что обвиняемый КЛАССОН не хотел возвратиться в СССР, т.к. на указанных в деле листах 35 и 36 записано, что КЛАССОН после учебы остался на прохождение практики на иностранных заводах и в СССР приехал добровольно.
3. Приобщить к делу служебную характеристику из института, где обвиняемый до ареста работал, а также допросить лиц, знающих обвиняемого КЛАССОН в быту.

После дополнительно добытых материалов разрешить вопрос о направлении дела по подсудности.

Мл. Следователь ОО НКВД СССР (Папков)
Мл. лейтенант госбезопасности -

ПОМ НАЧ СЕКР-та Особ. Совещания НКВД СССР (Кузнецов)
Капитан Госбезопасности -

27 сентября 1939 г.

Заключение по следделу №43304

Подписал этот взвешенный (хотя бы по тем временам!) документ Младший Следователь ОО НКВД СССР, Младший лейтенант Госбезопасности Папков, а согласился с ним Помощник Начальника Секретариата Особого Совещания НКВД СССР Капитан Госбезопасности Кузнецов.

Пришлось ленинградским чекистам «дополнительно добывать материалы». Но они особо себя не утруждали: из лиц, «знающих обвиняемого в быту», допросили лишь жену. Из протокола допроса Любови Петровны Классон от 22 ноября 1939 г.:

- Как долго Вы проживаете в Ленинграде?
- В Ленинграде я проживаю с детства, т.е. с 1903 года, безвыездно.
- Вам известно, за что арестован Ваш муж Павел Робертович Классон?
- Нет. За что арестован мой муж П.Р. Классон, я не знаю.
- С какого времени Вы являетесь женой П.Р. Классон?
- С 1932 года.
- Знали ли Вы его раньше?
- До 1932 года я Классон П.Р. совершенно не знала.
- Назовите круг его знакомых, с кем он встречался и где бывал.
- Я лично его знакомых никого не знаю, так как к нам никто никогда не приходил, и, насколько мне известно, он так же нигде не бывал.
- И о своих друзьях и товарищах Ваш муж П.Р. Классон никогда Вам не рассказывал?
- Нет, не рассказывал. У моего мужа П.Р. Классон был только один знакомый, друг его детства Кирпичников Юрий, который проживает в Москве и, бывая в командировке в Ленинграде, иногда заходил к нам. Где работает Кирпичников Ю. и проживает в Москве, я не знаю.
- Кто из посторонних жильцов проживает в квартире вместе с Вами?
- Посторонних жильцов в нашей квартире никого нет. В ней проживаем только мы одни, моя мать, дочь и я.

- А вообще проживали когда-либо в Вашей квартире посторонние жильцы?
- Нет, не проживали. В ней живу я со своей семьей с 1910-11 года.
- Кто по дому знал Вашего мужа П.Р. Классон?
- Из проживающих в доме моего мужа П.Р. Классон никто не знает, так как мой муж ни с кем никогда не разговаривал и ни к кому не ходил.

Все-таки жена оказалась мудрее своего мужа, который «наговорил много лишнего», о чем его никто не спрашивал, и это «лишнее» («намеревался принять германское подданство и стать невозвращенцем», например) даже попало в обвинительное заключение. В том же ноябре Управление НКВД Ленинграда вынесло отрицательное решение по жалобе Любови Петровны, написанной еще 14 августа 1939 г.

Среди документов, оставшихся после смерти Л.П. Классон (теперь хранятся в ф. 9508 РГАЭ), был и такой:

*Котлотурбина
Научно-Исследовательский
Котлотурбинный институт
Н.И.К.Т.И.
19 декабря 1939 г.*

Справка

Выдана тов. Классон Павел Робертовичу в том, что он действительно состоит сотрудником паротурбинного Сектора Научно-Исследовательского Института в должности инженера-исследователя с 15 сентября 1939 г. и получает зарплату в сумме Руб. 500 (пятьсот руб.) в месяц.

Выдана для представления в Жакт.

*Руководитель Адмсектора НИКТИ
(печать)*

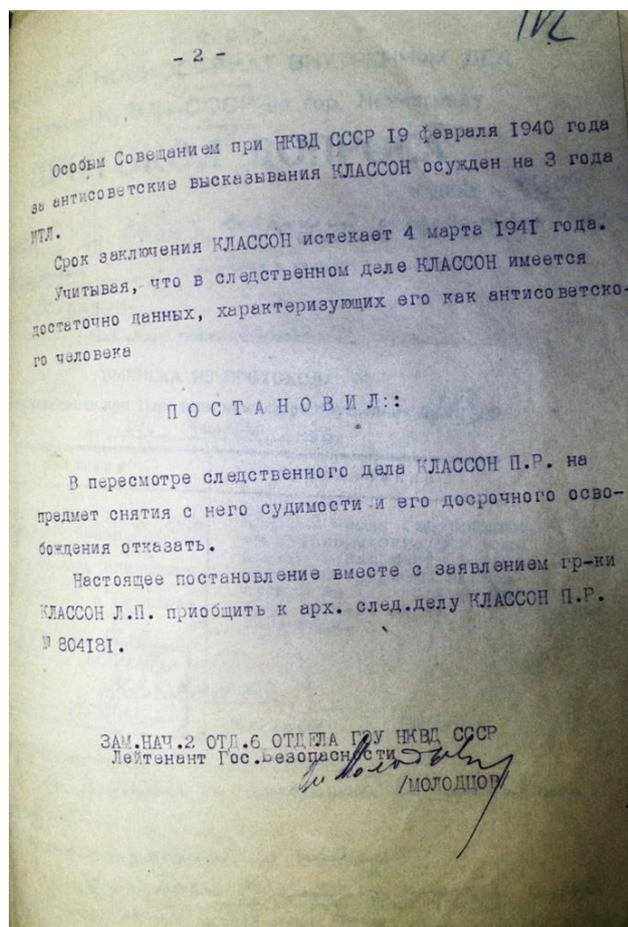
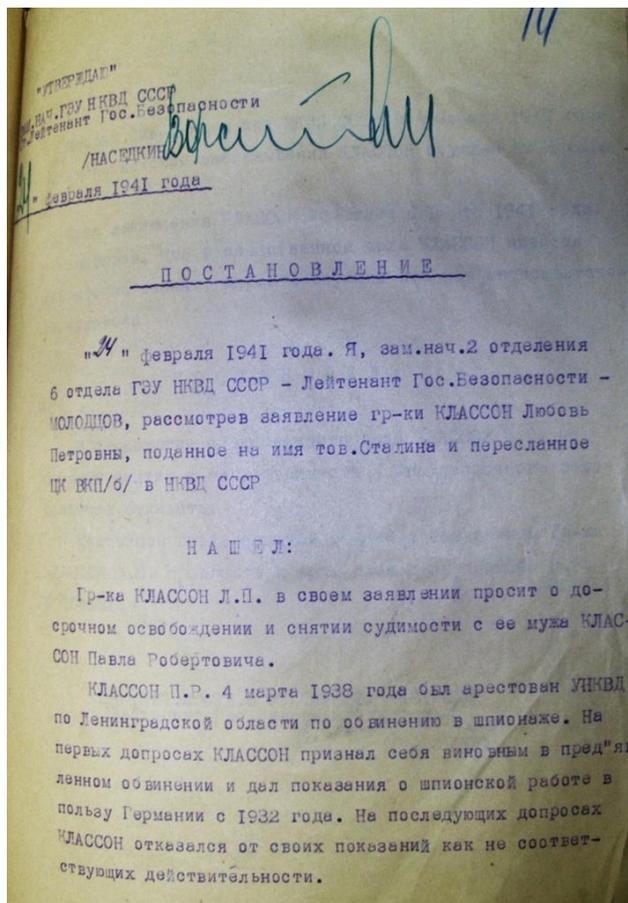
(подпись)

П.Р. Классон был арестован почти за два года до выдачи сей справки – 4 марта 1938 г. По-видимому, фальшивую справку для Жакта на всякий случай получила Любовь Петровна (чтобы их квартиру «не уплотнили»? или, хуже того, лишив прописки, не выслали бы из Ленинграда жену Павла Робертовича с дочкой?). Действительно, в Научно-Исследовательском Котлотурбинном Институте он работал в 1932-33 гг., пока не был уволен по сокращению штатов при реорганизации одного заведения – см. Приложение “Инженер-механик П.Р. Классон, его жена Л.П. Фомичева-Классон и «Софья Власьевна»”. Отметим попутно гражданское мужество руководителя Адмсектора НИКТИ, который рисковал головой, если бы его «преступление» случайно раскрылось...

Последнюю же жалобу Л.П. Классон (от 18 января 1941 г.) отправила на имя «горячо любимого Иосифа Виссарионовича». В ней она не только просила досрочно освободить мужа и снять с него судимость, но и жаловалась на тяжелую жизнь: Павла Робертовича перевели из тюрьмы в Архангельск, как сердечно-больного – результат долгого пребывания в тюрьме, семья его сильно нуждается – я, его жена за это время потеряла все свое здоровье, так что регулярно работать по состоянию здоровья не могу, моя мать старушка работает конторщицей с зарплатой 125 руб.

Далее Л.П. Классон невнятно жаловалась и по поводу такого сюжета: поскольку семья отчаянно нуждалась, то Любовь Петровна обратилась в Наркомфин с просьбой о выдаче ей по доверенности облигаций займа «Оборона СССР», на которые в свое время мужу пришлось подписаться в НИИ Судостроения. Однако зам Наркомфина тов. Бодров к этому вопросу подошел крайне формально и отказал просительнице (в досрочном погашении облигаций и выплате денег?)*.

* Как ни странно тов. М.Ф. Бодров (1903-1988) уцелел в «сталинских мясорубках» и даже после войны сделал дипломатическую карьеру.

Отказ в досрочном освобождении и снятии судимости (февраль 1941 г.)

Заместитель начальника 2-го отделения 6-го отдела ГЭУ НКВД СССР, Лейтенант Государственной Безопасности Молодцов 24 февраля 1941 г., получив жалобу на имя тов. Сталина для ответа по существу дела, обосновывал очередной отказ жалобщице так:

<...> Особым Совещанием при НКВД СССР 19 февраля 1940 г. за антисоветские высказывания Классон осужден на 3 года ИТЛ. Срок истекает 4 марта 1941 года. Учитывая, что в следственном деле Классон имеется достаточно данных, характеризующих его как антисоветского человека, постановил в пересмотре следственного дела Классон П.Р. на предмет снятия с него судимости и его досрочного освобождения отказать. Настоящее постановление вместе с заявлением гр-ки Классон Л.П. приобщить к арх. след. делу Классон П.Р. №804181.

В «архивном следственном деле» находится бумага, посланная в 1-й Спецотдел НКВД СССР из Бутырской тюрьмы: «Сообщаем для В/сведения, что з/к Классон Павел Робертович, 1904 г.р. освобожден из-под стражи 4.III.41 г. согласно Вашего отношения за №9/8-8578 от 26.II.41 г.» Т.е. наш герой отсидел от звонка до звонка ровно три года.

Естественно, что после расстрела Л.П. Берия и его ближайших подчиненных, после разоблачения «культа личности» и «перегибов при строительстве социализма» в деле появился протест прокурора Ленинграда от 6 июля 1962 года – после очередных жалоб Л.П. Классон. В нем констатировалось:

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР в отношении Классон П.Р. является неправильным и подлежит отмене по следующим мотивам:

Сама формулировка обвинительного заключения неконкретна и основана только на предположениях, так как конкретных фактов преступной деятельности Классон во время следствия установлено не было.

Классон П.Р. ни в чем не признал себя виновным и дал развернутые показания о своем поведении в Германии во время учебы и по возвращении в СССР, а также о своих первых показаниях на следствии (л.д. 85-100). Эти его утверждения по делу ничем не опровергнуты.

Показания свидетелей Пугач А.П., Шарухина Н.П. и Швецова В.В. являются неконкретными, противоречивыми, факты и предположения, о которых они рассказывают в отношении Классон П.Р., не могут быть расценены как антисоветская агитация с его стороны и не содержат признаков состава преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР.

Свидетели Кохберг В.А. (л.д. 74-75), Копылов Н.П. (л.д. 76-77), Сафронов В.М. (л.д. 78-79), Глузман И.А. (л.д. 80-81) охарактеризовали Классон П.Р. по работе исключительно с положительной стороны и заявили, что антисоветских высказываний с его стороны никогда не слышали.

При таком положении репрессия, примененная в отношении Классон П.Р. в 1940 г., является необоснованной.

Прокурор Ленинграда Цыпин предлагал: «В силу изложенного и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, прошу постановление Особого Совещания НКВД СССР 19 февраля 1940 года в отношении Классон Павла Робертовича отменить и дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием состава преступления».

Поясним здесь, что этим указом предоставлялось право верховным судам союзных республик, президиумам верховных судов АССР, краевых и областных судов пересматривать по протестам соответствующих прокуроров решения бывших коллегий ОГПУ, «троек» НКВД-МГБ-МВД СССР по делам, следствие по которым производилось местными органами ГБ.

И 25 сентября 1962 г. Президиум Ленинградского городского суда отметил в совершенно секретном постановлении:

Протест [Прокурора Ленинграда] внесен на предмет реабилитации осужденного и подлежит удовлетворению по следующим мотивам:

Высказывания осужденного, инкриминированные ему по данному делу, не содержат в себе признаков антисоветской пропаганды и не могли быть предметом обвинения его в уголовном порядке.

Сам осужденный, не отрицая того, что некоторые из инкриминированных ему высказываний он действительно допускал, дал им подробные объяснения и виновным себя в антисоветской агитации не признал.

В связи с изложенным, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, Президиум постановил:

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 19 февраля 1940 года в отношении Классона Павла Робертовича отменить, а дело за отсутствием в действиях осужденного состава преступления производству в уголовном порядке прекратить.

В общем, перефразируя известную поговорку, мы можем мрачно констатировать: советский закон что дышло, куда партия большевиков повернет, туда и вышло. Самого П.Р. Классона уже давно не было в живых, поэтому весьма цинично звучало решение (пусть и секретное!) суда: «дело за отсутствием в действиях осужденного состава преступления производству в уголовном порядке прекратить». Но зато его вдова смогла получать пенсию по фальшивому свидетельству «о пропаже мужа без вести на фронтах Великой отечественной войны» (см. очерк «Классонята»)!